

*Посвящается Крису Лейвину,
который знает ответы не на все вопросы,
а только на самые важные.*

*Дамы и господа, прошу внимания!
Подходите ближе, чтобы лучше слышать!
Расскажу вам историю, не возьму ни цента!
(И если вы поверите,
Все будет хорошо.)*

Стив Эрл. Змеиный жир

*Я слышал, что многие люди терялись даже на улицах
маленьких городков, когда тьма становилась такой густой,
что ее, как говорится, можно резать ножом...*

Генри Дэвид Торо. Уолден, или Жизнь в лесу

А вы здесь уже были.

Ну да, точно! Я вас узнал, у меня хорошая память на лица!

Идите сюда; дайте пожать вашу руку! Знаете, я вас узнал еще прежде, чем разглядел лицо, — по походке. Нельзя было выбрать лучшего дня, чтобы вернуться в Касл-Рок. Восхитительный день! Скоро начнется сезон охоты — понаедут сюда идиоты, которые палят во все, что движется, и при этом не носят оранжевых жилетов. Потом выпадет снег... но все это будет потом. А пока на дворе октябрь, а октябрь у нас в Касл-Роке длится долго. Сколько ему угодно.

А вообще, по моему скромному мнению, это лучшее время года. Ну, весна тоже неплохо, конечно, но я лично предпочитаю октябрь маю. Когда лето кончается, наша часть штата — Западный Мэн — превращается в пустынный, всеми забытый уголок и господа из коттеджей на озере и на Смотровой площадке возвращаются к себе в Нью-Йорк или Массачусетс. Мы, местные, каждый год встречаем их и провожаем — здрасте, здрасте, здрасте; пока, пока, пока. Они приезжают — и это здорово, потому что они привозят свои городские доллары, они уезжают — тоже хорошо, потому что они увозят свои городские проблемы.

Вот об этих проблемах мне и охота поговорить. Сможете уделить мне минутку? Вот тут, на ступеньках у летней

эстрады, мы можем присесть. Тут и солнышко греет, и к тому же отсюда — почти весь центр как на ладони. Да, только поостерегитесь заноз. Эти ступеньки давно уже нужно отшкурить и выкрасить. Только это Хью Приста обязанность, да. А у Хью руки не скоро еще дойдут. Пьет он у нас, знаете ли. Не такой уж это большой секрет. Нет, в Касл-Роке секреты хранить возможно, кое-кому это вполне удастся, но для этого надо как следует постараться; а большинство из нас в курсе, что Хью Прист и упорный труд уже очень давно не дружат.

Что вы говорите? Где?

А-а! Вот вы о *чем*! Ну и как вам оно? Их листовки расклеены по всему городу! Сдается мне, Ванда Хемфилл (ее муж Дон, владелец супермаркета «Хемфиллз») сама их везде налепила. Вы сорвите одну со столба и тащите сюда, чтобы и я посмотрел. Да вы не стесняйтесь — ничего вам за это не будет. Уж если на то пошло, их никто не просил клеить листовки по всему городскому парку.

Черт подери! Нет, вы гляньте на это! Как отпечатано! «Рулетка — козни Дьявола». Буквы большие, красные и *дымятся*. Как бы прямая доставка из преисподней! Ха! Кто-нибудь, кто не знает, какой у нас сонный маленький городишко, еще может подумать, что у нас тут и вправду какая-то дьявольщина творится. Но знаете, иногда подобная ерунда перерастает в нечто более значительное, чем простой городской скандалчик. А в этот раз, есть у меня подозрение, преподобному Вилли уж точно вожжа под хвост попала. Без вопросов. Церкви в маленьких городах... наверное, не мне вам рассказывать, *что* это такое. Они кое-как уживаются — более или менее, — но не питают друг к другу симпатии, скажем так. Все идет мирно — но до какого-то определенного момента, а потом все равно поднимается буча.

В этот раз буча выходит большая, со взаимными обидами и обвинениями. Дело вот в чем: католики собирались заделать какое-то благотворительное мероприятие под названием «Ночь в казино» в «зале Рыцарей Колумба» —

это в другой части города. В последний четверг месяца, если мне не изменяет память. А собранные средства должны были пойти на ремонт крыши здания церкви Богоматери Тихих Вод... вы проезжали ее по пути в город, если ехали со стороны Смотровой площадки. Приятная церквушка, правда?

На самом деле идея «Ночи в казино» принадлежала отцу Брайхему, но развили ее «Дщери святой Изабеллы». Очень она им понравилась, эта идея. И особенно — Бетси Виг. По мне, так ей просто нравится мысль, как она выйдет в своем черном платье в облипку и станет крутить рулетку, приговаривая: «Делайте ставки, дамы и господа, делайте ваши ставки». Да, им всем понравилась эта идея. Дело-то там безобидное, яйца выеденного не стоит, но им в этом мерещится что-то чуть-чуть порочное.

Хотя вот преподобному Вилли и его пастве это все показалось не столь безобидным. Вообще-то он преподобный Уильям Роуз; и он никогда особенно не любил отца Брайхема, на что тот отвечал взаимностью. (На самом деле именно отец Брайхем первым назвал преподобного Роуза «Пароходом Вилли», и преподобный Вилли об этом знает.)

Между этими двумя «столпами веры» и раньше проскакивали искры, но эта история с «Ночью в казино» высекала уже не просто искры, а целый фейерверк. Когда Вилли узнал, что католики собираются провести ночь за азартными играми в зале РК, он так взвился, что чуть крышу не пробил макушкой. На свои деньги он отпечатал эти листовки: «Рулетка — козни Дьявола», — и Ванда Хемфилл со своими подружками из кружка кройки и шитья расклеила их по всему городу. С тех пор католики и баптисты общаются между собой исключительно через колонку «Письма» в местном еженедельнике, где они бушуют, неистовствуют и объявляют друг другу, что противная сторона непременно будет гореть в аду.

Гляньте-ка. Сейчас вы поймете, что я имею в виду. Вон она вышла из банка. Это Нан Робертс, хозяйка ка-

фешки «Перекуси у Нан». Я так думаю, она самая богатая в нашем городе — с тех пор как старый Папаша Мерилл отправился на свой самый крупный блошинный рынок, на небеса. Она была ярой баптисткой чуть ли не с сотворения мира. А вот ей навстречу движется Эл Гендрон, истый католик, святее папы римского; и его лучший друг — ирландец Джонни Бирхем. Теперь смотрите внимательно! Видите, как они задирают носы? Ха! Прямо готовый цирковой номер! Ставлю доллар против обгрызенной кочерыжки, что температура упала на двадцать градусов, когда они проходили мимо друг друга. Правильно моя матушка говорила: «С людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться».

А теперь вон туда взгляните. Видите, около видеомагазина — машина шерифа? А в машине — Джон Лапуант. Предполагается, что он следит за соблюдением скоростного режима: в центре скорость ограничена, и особенно по окончании занятий в школе, — но если заслонить глаза от солнца и как следует присмотреться, вы разглядите, что *на самом деле* он пялится в фотографию, которую достал из бумажника. Отсюда мне ее не видно, но я знаю, что это за снимок, как знаю девичью фамилию собственной матери. Эту фотку Энди Клаттербак снял около года назад. На ней — сам Джон вместе с Салли Рэтклифф; Джон обнимает ее за талию, а у нее в руках плюшевый медведь, которого он выиграл для нее в тире. Обоих прямо-таки распирает от счастья. Но это было, как говорится, давно и неправда. Сейчас Салли помолвлена с Лестером Праттом, учителем физкультуры. Он такой же истовый баптист, как и она сама. Джон до сих пор не оправился от потрясения. Вон как вздыхает, бедняга. Прямо сердце болит, на него гляючи. Так вздыхать может только мужчина, который влюблен до сих пор (или думает, что влюблен). В общем, довел он себя до зеленой тоски.

Вы замечали, что беды и неприятности, как правило, складываются из вещей самых обычных? Будничных и заурядных. Вот вам пример. Видите парня, что поднимает-

ся по ступенькам здания суда? Нет, не того, что в костюме, — это Дэн Китон, наш глава городского управления. Я другого имею в виду: черного парня в рабочем комбинезоне. Это Эдди Варбертон, ночной уборщик в здании муниципалитета. Понаблюдайте за ним и обратите внимание, что он сделает. Вот! Видите, остановился на верхней ступеньке и смотрит на улицу? Ставлю еще один доллар против обгрызенной кочерыжки — он смотрит на автомобильную мастерскую «Суноко». Ее владелец и по совместительству мастер — Сонни Джакетт, с которым Эдди враждует уже два года — с тех пор как привел туда свою машину, чтобы проверить трансмиссию.

Я хорошо помню эту машину. Это была «хонда сивик», самая обыкновенная. Но для Эдди это была особенная машина — первая и единственная за всю жизнь машина, которую он купил новой. А Сонни сделал свою работу из рук вон плохо, да еще и завысил цену. Такова точка зрения *Эдди*. А точка зрения *Сонни*: Варбертон просто не хочет платить сколько нужно, а чтобы не платить, пытается обвинить меня в расизме, пользуясь тем, что он черный. Вот как бывает...

Итак, Сонни Джакетт подал на Эдди Варбертона в малый арбитражный суд. Сначала они поскандалили в зале суда, потом — в коридоре. Эдди заявил, что Сонни назвал его тупым ниггером, на что Сонни ответил, что, мол, ниггером никого не обзывал, а вот насчет первого определения — он целиком и полностью согласен. В итоге оба остались недовольны. Судья вынудил Эдди заплатить Сонни пятьдесят долларов, на что Эдди сказал, что пятьдесят — это слишком, а Сонни — что это безбожно мало. А потом было вот что: в новой машине Эдди случилось короткое замыкание, она загорелась и закончила свои дни на свалке неподалеку от шоссе № 5. Теперь Эдди водит «олдсмобиль» 89-го года, в котором вечно подтекает масло. И он по-прежнему уверен, что Сонни Джакетт знает о коротком замыкании гораздо больше, чем говорит.

Вот уж точно: с людьми веселее всего, куда уж коням с ними тягаться. Только веселье все больше какое-то мрачное.

Но такова жизнь маленького провинциального городка — как его ни назови: Пейтонс-Плейс, или Гроверс-Корнерс, или Касл-Рок. В каждом таком городке люди едят пироги, пьют кофе и обсуждают друг друга за спиной. Вот идет Слопи Додд, один-одинешенек, потому что другие дети издеваются над его заиканием. Вон Миртл Китон; и если она выглядит немного смущенной и растерянной, как если бы она не знает, где находится и что вокруг происходит, так это из-за ее мужа (того самого типа, который зашел в здание суда вслед за Эдди), который в последние полгода сам не свой. Видели, глаза у нее припухшие? Наверняка недавно плакала, или плохо спала, или и то и другое.

А вот идет Ленор Поттер. Выглядит, как всегда, потрясающе — как будто только сошла со сцены. Идет в «Западные автоперевозки», выяснить, не пришел ли ее заказ — какое-то особое органическое удобрение. У этой женщины вокруг дома растет столько разных цветов, сколько у Картера не наберется таблеток от печени. Она очень этим гордится. И она не ходит в больших любимицах у местных дам. Они считают, что она задавака — задирает нос и кичится этими своими цветами, шикарными бусами и семидесятидолларовыми бостонскими завивками. И, раз уж мы с вами сидим тут бок о бок на занозистой ступеньке эстрады, раскрою вам один секрет: я полностью с ними согласен. Она действительно задавака.

Все это обычное дело, скажете вы, но должен заметить, в Касл-Роке хватает проблем, и далеко не все эти проблемы так безобидны. Все помнят Фрэнка Додда, дежурного на переезде, который двенадцать лет тому назад свихнулся и убил нескольких женщин. Все помнят бешеную собаку, которая загрызла Джо Камбера и еще одного старого пьяницу с той же улицы. Та же собака загрызла и прежнего шерифа, Джорджа Баннермана. С тех пор шерифом

у нас Алан Пангборн, и хотя он человек хороший, ему никогда не подняться до Большого Джорджа в глазах этого городка.

А то, что случилось с Реджинальдом Мериллом по прозвищу Папаша — с этим старым скупердьяем-старьевщиком, державшим лавку так называемых древностей... разве это обычное дело?! Лавка его называлась «Эмпориум Галлориум», и стояла она вон там, где сейчас пустырь. Видите, на той стороне Главной улицы? Здание сгорело уже давно, но в городе есть люди, которые видели, как все было (или которые утверждают, что видели), и после пары кружечек пива в «Подвыпившем тигре» они вам скажут, что это был не простой пожар — тот пожар, который спалил дотла «Эмпориум Галлориум» и забрал жизнь Папаши Мерилла.

Его племянник, Туз, говорил, что незадолго до пожара с его дядей стало твориться что-то ужасное — как в «Сумеречной зоне». Конечно, Туза тогда даже и близко здесь не было; он тянул свой четырехлетний срок в Шоушенской тюрьме за ограбление со взломом. (Ежу было понятно, что Туз Мерилл плохо кончит; в школе он слыл отъявленным драчуном и задирой. Все дети в городе, наверное, переходили на другую сторону улицы, едва заметив, как Туз вышагивает по тротуару в своей байкерской куртке, звенящей молниями и заклепками, и тяжелых подкованных ботинках.) Но знаете, люди все-таки ему верили — может быть, с Папашей в тот день и вправду стряслось что-то странное, а может, все это просто сплетни за чашкой кофе и куском яблочного пирога в забегаловке у Нан.

Здесь все осталось таким же, как и во времена вашей молодости. Люди бесятся из-за религии, страдают из-за несчастной любви, носят в себе секреты, таят в себе злобу... и даже страшные истории, как та, что я только что рассказал — о том, что было или чего не было в день гибели Папаши, — все это лишь для того, чтобы скрасить еще один скучный и серый день. Касл-Рок таки остался прекрасным местом для того, чтобы жить и расти, как

написано на плакате у въезда в город. Солнце ласкает озеро и листья деревьев на берегу, а в ясный день со Смог-тровой площадки видна вся дорога до самого Вермонта. Дачники, приезжающие на лето, обсуждают утренние газеты, а по вечерам в пятницу или субботу (а то и в пятницу, и в субботу) на стоянке рядом с «Подвыпившим тигром» иной раз случаются драки, но приезжие всегда уезжают домой, а драки заканчиваются. Этот город всегда был прекрасным местечком, и если кто-то начинает грузиться и грузить окружающих, знаете, что мы говорим на это? Мы говорим: «*Это пройдет, он скоро на это забудет*».

Генри Бофорта, к примеру, бесит, когда Хью Прист спьяну пинает его музыкальный автомат... но он скоро на это забудет. Вильма Ержик и Нетти Кобб терпеть друг друга не могут... но Нетти скоро на это забудет (наверное), а для Вильмы ненависть и неприязнь — просто обычное состояние организма. Шериф Пангборн до сих пор убивается по своим так нелепо погибшим жене и младшему сыну, и это, конечно же, очень большое горе, но и он тоже когда-нибудь успокоится — всему свое время. У Полли Чалмерс тяжелый артрит. Он не проходит, даже наоборот — если честно, то чем дальше, тем хуже. На такое забить невозможно, но она все равно притерпится. И она не одна такая — таких миллионы.

Мы по-прежнему иной раз огрызаемся друг на друга, но в основном все идет нормально. Или шло до сих пор. А теперь, друг мой, я вам скажу настоящий секрет; я из-за этого вас и позвал — сразу как только увидел. Есть у меня подозрение, что надвигается беда — настоящая беда. Нью-хем чую, она уже не за горами, как гроза в неурочное время года. Склоки между католиками и баптистами из-за «Ночи в казино», дети, которые дразнят бедного заику Слопи, страдания Джона Лапуанта от несчастной любви, горе шерифа Пангборна — все это покажется мелочью по сравнению с тем, что нас ждет.

Видите здание на той стороне Главной улицы? Четвертое по счету от пустыря, на котором стоял «Эмпориум

Галлориум»? С зеленым навесом над входом? Ага, вот это! Окна замазаны мылом — заведение еще не открыто. Вывеска: «Нужные вещи». Что еще за хрень такая? Я понятия не имею, но что-то мне здесь не нравится.

Предчувствие нехорошее.

Взгляните еще раз на улицу. Видите этого мальчика с велосипедом? Ага, того самого — с мечтательным видом. Приглядитесь к нему повнимательнее. По-моему, с него все и начнется.

Нет, я же вам говорю: я не знаю, что будет... у меня просто предчувствие. Но вы все равно приглядитесь к мальчишке. И задержитесь у нас в городке на какое-то время. Что-то явно созревает, что-то очень *нехорошее*, и если оно действительно произойдет, лучше, чтобы тут были свидетели.

Я знаю этого паренька с велосипедом. И вы, может быть, тоже знаете. Его зовут Брайан, фамилию вот запомятовал. Его отец занимается дверьми и отделкой стен не то в Оксфорде, не то в Южном Париже, по-моему.

Вы за ним понаблюдайте. И вообще, присматривайтесь *ко всему*. Вы бывали тут раньше, но скоро все изменится.

Я это знаю.

Я это чувствую.

Назревает гроза.